

УДК 94(470)+392.77

DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга времен Петра I

Александр Н. Андреев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, alxand@yandex.ru*

Аннотация. В статье исследуются бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга – ссоры, драки, выяснения отношений с оскорблениеми, возникавшие среди иноземных художников и ремесленников, населявших слободу при Петре I. Теоретической основой исследования выступают классические инструменты социологии и культурной антропологии, а именно концепция социальных полей и теория «социального конструирования». На архивных источниках и различных опубликованных материалах автор решает вопросы о причинах столкновений, условиях их протекания, отличиях бытовых ссор у французов от аналогичных инцидентов, распространенных среди русских горожан. Выяснено, что в конфликтах французские мастера в первую очередь отстаивали свое личное достоинство, транслируя западноевропейские представления о чести. Их высокая самооценка порождала ссоры, которые обычно происходили в процессе совместного проведения досуга. При этом отмечено, что французские мастера не только бралились, но и прибегали к иронии, которая в качестве инструмента социальной конкуренции была почти неизвестна в России. Важнейшим фактором агрессивного поведения признаны противоречия между амбициями мастеров, их социальными ожиданиями, с одной стороны, и социальной реальностью Петербурга, как ее французы себе представляли, с другой.

Ключевые слова: бытовые конфликты, история повседневности, Французская слобода, Петербург, Россия при Петре I, европеизация России

Для цитирования: Андреев А.Н. Бытовые конфликты во Французской слободе Петербурга времен Петра I // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2025. № 9. С. 19–38. DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the First

Aleksandr N. Andreev

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

alxand@yandex.ru

Abstract. The article deals with domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the Great, namely: quarrels, brawls, showdowns with insults that arose among foreign artists and artisans who inhabited the settlement. The theoretical foundation of the research is such classical tools of sociology and cultural anthropology, as the concept of “Social fields” and the theory of “Social construction”. Based on archival sources and many published materials, the author solves questions about the causes of conflicts, the conditions of their occurrence, and the differences between domestic quarrels among the French and similar incidents common among Russian citizens. The author found out that in disputes, French masters primarily defended their personal dignity, translating Western European ideas of honor. Their high self-esteem inevitably led to conflicts, which usually occurred in the process of jointly spending leisure time. The article reveals that the French craftsmen not only sworn, but also used irony, which was almost unknown in Russia as an implement of social competition. It is clear that the most important factor in aggressive behavior was the contradictions between the ambitions of the masters, their social expectations, on the one hand, and the social reality of Petersburg, as the French imagined it, on the other.

Keywords: domestic conflicts, Daily life studies, French Quarter, Petersburg, Russia under Peter I, Europeanization of Russia

For citation: Andreev, A.N. (2025), “Domestic conflicts in the French Quarter of Saint Petersburg under Peter the First”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 19–38, DOI: 10.28995/2686-7249-2025-9-19-38

Французская слобода, линии которой располагались на Васильевском острове «за дворцом Меншикова», была самым колоритным районом строящегося Петербурга, своеобразным технологическим парком, в котором Петр I намеренно сосредоточил ремесленные и учебные мастерские иноземцев. Слобода была создана в 1716–1717 гг. для работы и проживания мастеровых людей, нанятых во Франции с целью украшения царского «парадиза», а также для формирования нового («европеизированного») русского искусства [Андреев, Андреева 2017; Андреева 2020а]. Эти линии Васильев-

ского острова задумывались как внутренний источник импульсов европейской «современности», как место сосредоточения новых для России производств и художественных идей. Несмотря на то что далеко не все французские мастера и не всегда проживали собственно в слободе (они жили на Адмиралтейской стороне, в том числе в Екатерингофе, периодически трудились на стройках Петергофа и Стрельны), почти все они имели со слободой тесные связи – с ее жителями, мастерскими, католической часовней. Поэтому Французскую слободу справедливо рассматривать в разных ракурсах: и как «культурное гнездо», то есть микротерриторию, имеющую конкретную географическую локализацию, и как широкое этнокультурное образование (общину или землячество), связывавшее французов на берегах Невы в единое целое.

По условиям контрактов, иноземцы должны были учить россиян своим искусствам, что сразу же превратило Французскую слободу в зону интенсивного культурного обмена [Андреева 2020b, с. 6–7]. Навязанная французам роль наставников в ремеслах и художествах требовала их постоянного контакта с русскими учениками и подмастерьями, которые не только усваивали приемы мастерства, но и учились способам социального обхождения. Однако, исследуя процессы взаимодействия русских с иноземцами в XVIII в., историки до сих пор чрезвычайно мало знают о последних, особенно об их социальной психологии и повседневном обиходе. Как вели себя иноземные специалисты в быту, каким образом, находясь в России, они формировали представления о действительности, и что помимо своих профессиональных навыков они могли передать нашим соотечественникам? Эти вопросы, весьма важные для понимания феномена российской европеизации, еще ждут своего решения. Частичные ответы на них может дать изучение повседневности обитателей Французской слободы в Петербурге, особенно бытовых конфликтов, максимально ярко отражающих специфику социальных связей среди иноземцев, демонстрирующих их представления о нормальности поведения, выявляющих их социальные идентичности.

Петровский «парадиз» в первые десятилетия своего существования никому не казался раем. Отнюдь не ангелы строили его и украшали («насаждали», если использовать метафору райского сада). Французы, создававшие изысканную эстетику «парадиза», вели себя крайне неспокойно и агрессивно, их драки и дебоши становились притчей во языцах у петербургских чиновников. Тем не менее ученые, занимавшиеся историей быта петербуржцев и писавшие о Французской слободе, обходили вниманием скоры и разногласия среди ее обитателей [Семенова 1998, с. 21–22; Аниси-

мов 2010, с. 105–108, 324, 388; Андреева 2018а, с. 119–120]¹. Как следствие, в литературе можно встретить лишь краткие упоминания о «дрязгах во французской колонии» [Калязина 1984, с. 100] или почерпнуть разрозненные и подчас противоречивые сведения об отдельных инцидентах². Единственная монографическая работа на тему бытовой культуры мастеров-иноzemцев – книга А.П. Мюллера «Быт иностранных художников в России» [Мюллер 1927], к которой и сегодня продолжают обращаться исследователи, – вообще неверно рисует атмосферу Французской слободы. А.П. Мюллер представляет социальную среду французских мастеров нарочито бесконфликтной: «Скульптор Пино, его родственник Симон и ученик Пино – Перар работают в тесном единении друг с другом»; «скульптор Растрелли дружит с архитектором Леблоном» [Мюллер 1927, с. 41]. Хотя автор монографии и отметила, что некоторые иноземцы пьянствовали, вели распутный образ жизни и другими способами демонстрировали девиантное поведение [Мюллер 1927, с. 96–97], бытовые конфликты внутри колоний и творческих команд не становились предметом ее анализа.

Источники содержат сведения не менее чем о двух десятках бытовых столкновений среди жителей слободы и связанных с нею иноземцев в 1716–1724 гг. Подавляющее большинство конфликтов представляло собой публичные оскорблении мужчин и женщин словами, часто (хотя и не всегда) с угрозой применения насилия. Нередко дело доходило до рукоприкладства, а словесные прения перерастали в драки с оружием.

Во многих случаях причинами раздоров выступали профессиональное соперничество и социальная конкуренция, которые сопровождались столкновениями бытового характера. Так, одним из первых конфликтов стала вооруженная потасовка между архитектором Жаном-Батистом Александром Леблоном и людьми Бартоломео Растрелли, произошедшая 14 августа (старого стиля) 1716 г. «поутру между осми и десяти часов». В потасовке участвовали сам Леблон, некий Гранже, инженер-капитан и архитектор Александр Клапье де Колонг, русские солдаты-«караульщики» и неназванные по именам служители Растрелли. Поводом к конфликту стал само-

¹ См. также: Жерихина Е.И. Французский мир Санкт-Петербурга. СПб.: Росток, 2015. С. 22–31.

² [Андреева 2018б, с. 238]. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого: Биографический словарь выходцев из Франции, Валлонии, франкоязычных Швейцарии и Савойи: 1682–1727 / под ред. В.С. Ржеуцкого, Д.Ю. Гузевича. М.: Ломоносовъ, 2019. С. 500, 551, 577.

вольный уход от Растрелли к Леблону слуги по фамилии Гранже, которого итальянский мастер нанял с условием «не служить кому иному»³. Однако сразу же по прибытии Леблона в Петербург Гранже оставил дом Растрелли (бросил с себя лакейскую ливрею) и ушел служить к «генерал-архитектору» «за кучера». Уязвленный Растрелли повелел своим людям из охраны арестовать Гранже и препроводить к нему. Утром вторника 14 августа, подкараулив момент выезда Леблона из дома, караульщики Растрелли, «забежав наперед коляски», пытались остановить ее и схватить Гранже. Тогда Леблон и его спутник де Колонг «начали рубить шпагами» людей Растрелли, а Гранже «взял шест и взял бить караульщиков», о чем мы узнаем из письма-жалобы Растрелли к А.Д. Меншикову⁴. Помимо русских солдат, очевидно, в драке участвовали домашние слуги Растрелли, скорее всего тоже французы, поскольку кто-то должен был передать распоряжение скульптора этой публике на понятном ей языке. Растрелли был флорентинцем, однако долгое время работал в Париже и настолько сросся с французской социальной и художественной средой, что в русских документах его не раз именовали «французом»⁵. Он упоминает, что когда драка была в разгаре, будто бы случайно «пришедши с рынка», там оказался еще один его слуга, который схватился с де Колонгом и «не дал ему бить больше»⁶. Эти события произошли вскоре после того, как Растрелли и другим архитекторам было официально объявлено о необходимости их беспрекословного подчинения «нововъезжему мастеру Леблонду» (соответствующий указ состоялся 9 августа, уже на третий день пребывания Леблона в Петербурге⁷). Б. Растрелли почел этот указ личным оскорблением.

Сходный генезис имел конфликт между Леблоном и резчиком Никола Пино, произошедший летом 1717 г. Распра началась с того, что Леблон поставил на один уровень мастерство Пино и его подмастерья Никола Перара (Perard). Леблон попытался вывести Перара из подчинения мастеру при организации работ в Петергофе, что вызвало негодование Пино⁸. Но ссора Леблона и Пино быстро вышла за пределы профессиональной сферы, когда в ней приняли участие жены мастеров – Мари Маргерит Леблон (урожденная

³ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1715 г. Д. 1. Л. 6.

⁴ Там же. Л. 6 об.

⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 40Б. Л. 450, 452.

⁶ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1715 г. Д. 1. Л. 6 об.

⁷ Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова: 1716–1720, 1726–1727 гг. // Российский архив. М., 2000. Т. 10. С. 59.

⁸ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 327.

Левек, Levesque) и Марианна Пино (урожденная Гийом-Симон, Guillaume-Simon), принявшиеся оскорблять друг друга⁹. Жена Леблона, согласно отзыву французского консула в Петербурге Анри де Лави, вообще славилась «дурным поведением» (имеется в виду склонность к скандалам) и сильно способствовала ссорам своего мужа с коллегами и окружающими людьми¹⁰.

Основная масса инцидентов происходила в свободное от работы время, в ходе совместного проведения досуга и, естественно, в присутствии многочисленных свидетелей. 14 июля 1717 г. на званом вечере в доме Леблона Перар оскорбил Пино и его жену. Пино жаловался Меншикову: «...оной Перард начал меня без всякой причины всякими непристойными словами поносить и бранить, и в то время при том были свидетели госпожа Леблондша и капитанская жена Колонгова, <жены> Каравакова, Мангелева и Мериелева, красильщика шелку, при которых мне помянутой Перард грозил, а именно в деле отправления моего заколоть меня ножом мастерским и убить до смерти, и в то время господин Леблонд несколько раз помянутому Перарду запрещал всячески к молчанию, но он того не учинил»¹¹. В качестве очевидцев Пино называет капитаншу де Колонг, супругу живописца Луи Каравака и жену шпалерного подмастерья Клода Мериеля (Mériel). В июле и августе 1717 г. не менее трех раз вспыхивал конфликт между Пино и литейным мастером Этьеном Соважем (Sauvage), который вполне оправдывал свою фамилию («Дикий»). 24 июля, «будучи ввечеру» на квартире у художника Каравака, Соваж «поносил всякими непристойными словами» Пино, а также ругал жену Пино «аки самую нечестную и бездельную жену»¹². Нападение на чету Пино Соваж повторил на следующий день, когда французы собрались на вечер к гобелено-вому мастеру Филиппу Бегаглю. 5 августа Соваж еще более разъярился: в присутствии Каравака, Бегагля, младшего Ломбара (сына ювелира Жана Ломбара) и чеканщика Жана Нуазет де Сен-Манжа он поносил Пино, «начал паки необычайно всякие злосмрадные слова испускать и бранить»¹³. Соваж и до того «непрестанно» нападал на Пино, по пьяному делу лез в драку, бесчестил и угрожал ему физической расправой, только мастер резного дела уклонялся

⁹ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 389.

¹⁰ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции, за апрель и май месяцы 1717 г. // Сб. РИО. Т. 34. СПб., 1881. С. 283.

¹¹ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 96.

¹² Там же. Л. 96 об.

¹³ Там же.

от побоищ (по его собственному признанию, «всегда отходил и в ссору с ним вступать не хотел»). 26 июля 1717 г. оскорбительные высказывания в адрес Пино и его жены допустил также шпалерный мастер Людовик Вавок (Vavoque), который «в квартире у Тренитира (?), товарища Вавакова» вел себя вызывающе и угрожал расправой¹⁴.

Литейщик Соваж не раз становился участником скандалов и драк. 13 сентября 1717 г. (нового стиля) консул Лави сообщал в Париж о том, что Соваж «в пьяном виде явился в дом другого француза и напал на него со шпагой в руках»¹⁵. Литейщик был даже посажен в тюрьму, но как нужный специалист освобожден по ходатайству Лави и Леблона [Иностранные 2019, с. 571].

Буйным нравом отличался и слесарный мастер Гийом Белен (Belin), любитель выпить и поскандалить. В январе 1722 г. он подрался с садовником царя Григорием Рейбаном, пришедшим с женой к нему в гости. После того как садовник попросил взаймы денег, Белен стал его оскорблять. Встреча вышла шумной: француз пытался застрелить Рейбана, а тот кидал в окна кирпичи и выкрикивал угрозы [Андреева 2018b, с. 238]. 16 декабря 1722 г. в Стрельне Белен совершил убийство: «...будучи в стрелиной, в квартире своей, застрелил в лицо до смерти караульного из завоцких служителей рекрута Осипа Кузмина, которой дан был ему, Белину, для караула инструментов, чертежей и маделей»¹⁶. Приговоренный к каторжным работам, Белен, однако, был помилован и указом 14 января 1724 г. отослан в Канцелярию от строений¹⁷.

Нешуточный конфликт с членовредительством произошел в 1717 г. между переводчиком французских рабочих Тома Перно (Pernot) и штофным мастером Аврамом Девалем (De Wals). Деваль пришел в гости к своему приятелю – переплетчику Севастьену Морису Ложеру, жившему в первой линии Французской улицы, и встретил там Перно, с которым вступил в перебранку и стал драться. Свидетелем «при» стал сосед Ложера, «мастер печатных литер» Ошер. Потом Перно наведался на квартиру к Девалю, «бранил его многою бранью и называл шелмою (кокеном)», выкрутил руку его служанке. В итоге Деваль пробил Перно голову и сломал правую

¹⁴ Там же. Л. 96–96 об.

¹⁵ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции... С. 244.

¹⁶ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 37Б. Л. 792 об.

¹⁷ См. объявленный генерал-полицеймейстером А. Девьером указ: Высочайшие именные указы по разным предметам // Сб. РИО. Т. 11. СПб., 1873. С. 528.

руку, хотя из противоречивых показаний участников драки не ясно, произошло это еще у Ложера или уже в доме Деваля, вынужденного, по его словам, «противиться» насильнику¹⁸.

Оскорблении личного достоинства с угрозами зафиксированы в ходе ссоры трактирщика Гибсона с постояльцем немецкой нации Отто, лекарем по профессии. Гугенот Гибсон содержал трактир на Петербургском острове, однако поддерживал отношения со слобожанами. В 1718 г. Отто и Гибсон, а также их жены, многократно бралились и унижали друг друга: то один жаловался, что его оппоненты «непрестанно меня и мою жену поносят и бещестят», то другой бранил недругов «матерно», обзывал француза «шельмом, гунстватом и вором» [Кошелева 2004, с. 362, 396]. Свидетелями распри стали мастер по изготовлению париков Пьер Приё (Приер) и русский живописец Петр Заварзин.

Конечно, далеко не все конфликты фиксировались в документах, особенно если дело не доходило до официальных разбирательств. Глухие упоминания о безобразиях французов позволяют предполагать гораздо большее число инцидентов. Так, в конце 1717 г. царь уволил из-за «дурного поведения»¹⁹ сразу 25 французских мастеровых, что, по примерным подсчетам, составляло около 20% всех жителей слободы, если исходить из общей численности колонии в 130 взрослых человек обоего пола [Андреев, Андреева 2017, с. 115]. Еще летом 1717 г. А.Д. Меншиков в письме к Леблону предлагал оставить до зимы разбор «партикулярных ныне происходящих ссор», чтобы не произошло остановки работ в Стрелиной мызе²⁰. Безусловно, эти «партикулярные ссоры» не ограничивались слободой: часть конфликтов протекала за пределами диаспоры и включала в себя русских участников. Как уже было отмечено, Леблон избил русских караульщиков. В 1721 г. шпалерный и «кроватный» мастер Антуан Жан-Клод Рошебо (Rochebot) не заплатил денег нанятой им же золотошвейке Матрене, бил ее тростью, «опростоволосил и за волосы таскал, и кнутом, что лошадей погоняют, и кнутовищем бил в светлице» [Кошелева 2004, с. 344]. Механик и фонтанный мастер Поль-Жозеф Суalem (Sualem) ссорился с русскими подрядчиками²¹. Палатный мастер

¹⁸ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 6. Л. 18–20. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 500.

¹⁹ Документы, относящиеся до пребывания царя Петра I во Франции... С. 272–273.

²⁰ РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 79 об.

²¹ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 577.

из Фландрии Франсуа де Вааль в сентябре 1725 г. на стройке Подзорного дворца в гневе погнался за неким каменщиком, который, убегая, упал со строительных лесов и «росшился»²².

Меньше всего источники рассказывают нам о внутрисемейных разногласиях, поскольку французы, что вполне естественно, старались «не выносить сора из избы». Но распри были: весной 1722 г. повесился француз-пирожник Ренекен (Rennequin) «вследствие несправедливой обиды, причиненной ему родственниками»²³. Резчик Бартелеми Симон, в дальнейшем – мастер «готического искусства и литейного дела», приходился шурином Никола Пино и помогал ему в мастерской, однако между ними возник конфликт из-за того, что Пино перестал платить помощнику жалованье. Причиной стала не жадность Пино, а невыплата причитающихся ему по контракту денег. Тем не менее Симон озлобился и отказался работать²⁴. В некоторой степени конфликт «Леблондши» и жены Пино можно считать внутрисемейным, так как ссорящиеся находились в духовном родстве: Мари Маргерит Леблон и Марианна Пино были кумами (жена архитектора приходилась крестной матерью одной из дочерей Пино²⁵).

В раннее Новое время бытовые конфликты с оскорблениеми и побоями, если они не приводили кувечьям и смерти, были явлением обычным, неизбежно возникающим вследствие включенности индивидов в социальные связи. Ссоры во Французской слободе Петербурга как две капли воды похожи на конфликты, распространенные среди парижских ремесленников – обычных людей, отнюдь не преступников [Назарьева 2018, с. 749–753, 756]. Сама ремесленная среда отличалась повышенной конфликтогенностью: «Наличие довольно высокого “ценза грамотности”, связанного с профессиональной деятельностью, порождало амбиции, не подкрепленные социальными возможностями» [Назарьева 2018, с. 753]. Однако на другом полюсе социальной жизни, противоположном работе в мастерских, всегда был церковный приход, где проповедь добродетелей служила смягчению нравов. Только с кюре слобожанам не повезло: францисканец Пьер Кайо (Cailleau), прибывший в 1717 г. вместе с французскими мастерами и рабочими для их окормления и нравственного воспитания, сам отличался крайне

²² Там же. С. 133.

²³ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1722 по 1724 г. // Сб. РИО. Т. 49. СПб., 1885. С. 111.

²⁴ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 110, 113, 116.

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 347. Оп. 1. Д. 31. Л. 6 об.

дурным поведением. Отец Пьер запомнился как «человек легких нравов», не раз устраивавший потасовки и дебоши²⁶. Французский посланник Жак де Кампредон был вынужден писать о нем королю, заметив, что этот монах вызывал и продолжает вызывать скандалы своими каждодневными разгулами (*débauches*), вспышками гнева (*emportements*), сквернословием (*blasphèmes*) и дерзкими речами (*discours insolents*)²⁷. Кайо компрометировал французских католиков и, подавая им дурной пример, способствовал распущенности, укореняя конфликтную модель поведения²⁸. Однажды он вторгся в жилище литейщика и скульптора Франсуа Вассу (*Vassou*) для выяснения отношений, но ему путь преградила жена мастера Мария, которую священник обозвал «воровкой, потаскушкой и, наконец, так сильно избил, что ей пришлось слечь в постель»²⁹.

Некоторые инвективы французов, направленные против личности, схожи с традиционными русскими оскорблениеми. Мужчины в отношении чужих жен прибегали к клевете сексуального характера («нечестная жена» Пино, «потаскушка» Вассу). По сути, то же самое (именование женщин «блядями») повсеместно наблюдалось и среди русского населения Петербурга петровского времени [Кошелева 2004, с. 392], и в «Московии» до Петра [Коллманн 2001, с. 113], что объясняют общностью «русской культуры с теми аспектами европейского прошлого, которые и создали восприятие чести» [Коллманн 2001, с. 90]. 24 апреля (старого стиля) 1720 г. произошел очередной скандал: патер Кайо во французской капелле прилюдно запретил живописцу Караваку причащаться и объявил его брак с девицей Маргаритой Симон незаконным, потому что венчание совершил другой священник³⁰. При этом кюре обвинил девушку в нечестии, намекая на собственную связь с нею: он заявил, что знает все «тайные недостатки девицы Симон», «превосходно их изучив до ее законного замужества»³¹.

²⁶ Донесения французского полномочного министра при русском дворе Кампредона за 1725 г. // Сб. РИО. Т. 58. СПб., 1887. С. 36, 92.

²⁷ Записка французского посла де-Кампредона с просьбою о высылке из России француза, монаха францисканского ордена Калио // Толстой Д.А. Римский католицизм в России. СПб., 1876. Т. 1. С. 411.

²⁸ Донесения французского полномочного министра... С. 58.

²⁹ Валишевский К.Ф. Петр Великий: Дело. М., 1990. С. 112. (Репр. воспроизведение издания 1911 г.)

³⁰ Донесения французского консула в Петербурге Лави и полномочного министра при русском дворе Кампредона с 1719 по 1722 г. // Сб. РИО. Т. 40. СПб., 1884. С. 91–92.

³¹ Валишевский К.Ф. Указ. соч. С. 112.

Похожими выглядят и оскорблении путем уподобления скоту, имеющие языческое происхождение и семантически сближающиеся с проклятием: в России обычно ругали «собакой», «сукой», «собачьим сыном», «скотом» [Кошелева 2004, с. 401]. Тот же патер Кайо, например, угрожал Караваку, что «его похоронят на живодерне, вместе с собаками и ослями»³². Оскорбительные действия с побоями женщин тоже очень похожи – подобные эксцессы были зафиксированы во второй половине XVII в. среди резчиков и столяров Оружейной палаты белорусского происхождения, ссорившихся в гостях друг у друга [Орленко 2018, с. 36].

Тем не менее характер унижения достоинства (посягательства на честь) и социальный смысл брани, проявляемые в ходе бытовых конфликтов во Французской слободе, отличались от аналогичных явлений в русской среде. О.Е. Кошелева, обстоятельно изучившая конфликты среди жителей соседнего острова – Петербургского, пришла к убеждению, что в России первой четверти XVIII в. понятие чести еще оставалось традиционным, то есть подразумевало не личное достоинство, а социальное положение оскорбленного [Кошелева 2004, с. 389, 406]. В Древней Руси представления о чести связывались с социальным статусом человека («саном» или «чином»), его местом в государстве, а личная честь заменялась честью родовой (семейной), когда уважение заслуживалось не личными поступками или качествами, а наследовалось от предков [Черная 1991, с. 57, 62–63]. В XVI–XVII вв. «огосударствление» человека фактически отождествило личное достоинство с «чином», который все еще давался за «породу», а не за заслуги [Черная 1991, с. 74–75]. И только в петровскую эпоху честь и достоинство постепенно начинали мыслиться как автономные свойства человека, не связанные с его положением и происхождением [Черная 1991, с. 84]. Французы Петербурга в столкновениях между собой отстаивали в первую очередь свое личное достоинство, а не статус или «чин». Не в службе русскому царю, а в своих талантах и субъектности, они видели основание для защиты чести. Не официальный статус «иноземцев» – весьма неясный, сопряженный с ограничениями в правах – становился источником их честолюбия, а конкретное содержание контрактов, которые определяли социальный престиж и социальную оценку их деятельности [Ермакова 2024, с. 809–811]. Упоминается лишь один случай оскорблении должностного лица у французов: в 1720 г. ткач из Лиона Пьер Жак Мейнар, назначенный директором шелковой мануфактуры в Петербурге, объявил, что не признает консула де Лави за представителя короля. Однако и в

³² Донесения французского консула в Петербурге Лави... С. 92.

этом случае бесчестье сопровождалось личным унижением, так как в присутствии сучильщика шелка Дегрэ (*Degraix*) Мейнар грязно обругал Лави и побил³³.

Обитатели Французской слободы (за исключением, пожалуй, Растрелли, обладавшего графским титулом) не могли похвастаться родовитостью или сановитостью, а потому корреляция чести с «породой» в феодально-иерархическом смысле для них, скорее всего, тоже не была главной. По мнению нынешних антропологов, в западном мире для защиты чести даже в Средние века не требовалась принадлежность к благородному сословию, а в Новое время тем более. Представители всех социальных слоев могли защищать не только свою репутацию (репутацию честного человека, семьянина, христианина – как, собственно, и на Руси), но и честь, которая, в отличие от репутации, была internalизированной системой ценностей, то есть выступала структурным компонентом психики [Copley 2019, p. 197]. Такая система ценностей мало была свойственна допетровской России, где личное достоинство в координатах православной культуры воспринималось как гордыня, которую нужно было побеждать смирением, где «кротость» представляла высшей добродетелью [Коллманн 2001, с. 72], и где «защита личного достоинства <...> не была официальным, общепринятым, престижным образом действий» [Кошелева 2004, с. 406]. С этим связаны отсутствие в судебных исках русских жителей Петербургского острова, поданных в защиту чести, инвектива морально-этического характера и, наоборот их распространность у иноземцев, которые своими ругательствами акцентировали внимание на непорядочном поведении и моральном облике оппонентов [Кошелева 2004, с. 402–403]. «Ругательная» лексика мастеров Французской слободы, к сожалению, почти не отражена в документах, так как истцы не детализировали нанесенные им словесные оскорблении. К тому же жалобы на бесчестье при переводе на русский язык теряли лингвистическую оригинальность. Но, думается, что обидные выражения французов по смыслу мало отличались от инвектива других иноземцев Петербурга.

Важнейшей предпосылкой столкновений между французами выступало их самолюбие. Без сомнений, мастера имели выраженное чувство собственного достоинства, а многие из них были откровенно гордыми и спесивыми людьми. Это заставляло их ревновать к творческому успеху, славе и талантам, а также к материальному положению друг друга. Ярким и самым известным примером такой

³³ Там же. С. 114. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 356.

ревности являются отношения Леблона и Бартоломео Растрелли, одинаково высокомерных и самоуверенных людей. Архитектор Леблон происходил из торгово-ремесленной среды (его отец был живописцем и держал лавку эстампов), но претендовал на некое «благородство». Проецируя на других свои комплексы, он уязвлял мастера Пино его мнимой принадлежностью к низам буржуазии, говоря, что тот наполнен «духом французского мелкого люда и рабочих, которые легко забывают о своих обязанностях, когда могут от них освободиться»³⁴. Между тем Пино был сыном королевского скульптора, и, в свою очередь, не терпел Леблона как высокочку. Растрелли очень гордился своим графством и оскорблялся, когда его титул, данный от папского двора, не признавали (канцелярист в официальной бумаге отметил: «графство Сфорца, какое он, Растрелли имеет, в России никакой силы своей не имело»)³⁵. Над Растрелли откровенно смеялись, распуская слух, будто он в Париже купил себе титул и орденские знаки³⁶.

Властным и гордым был ювелир Бенедикт Граверо, завидовавший таланту своего ученика Жереми Позье, которого избивал и откровенно эксплуатировал, вынуждая вместо себя выполнять заказы по огранке камней³⁷. Когда Позье закончил обучение по контракту, Граверо препятствовал его самостоятельной карьере, предпочитая видеть в нем не мастера-конкурента, а подмастерье³⁸. Столляр Жан Мишель, когда чиновники Канцелярии от строений указали, будто у него имеется товарищ, едко заметил, что при нем состоит «помастерье, а не товарищ, по имени Рыкей»³⁹. В свою очередь, подмастерья, уязвленные «вторыми ролями» в профессии, часто выступали в роли агрессоров – так было в Париже [Назарьева 2018, с. 755], и так было в Петербурге, что можно видеть из ссоры Перара и Пино. С достоинством и даже апломбом вели себя со служащими Канцелярии Вассу и Белен, весьма ценившие свое мастерство⁴⁰. Каравак в ссоре с Кайо особенно подчеркивал, что является нотаблем французской нации⁴¹.

³⁴ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 696. Л. 327. См. также: Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого. С. 389.

³⁵ Там же. Ф. 17. Оп. 1. Д. 298. Л. 17 об.

³⁶ РГИА. Ф. 468. Оп. 45. Д. 308. Л. 1 об.

³⁷ Записки придворного брильянтищика Позье о пребывании его в России с 1729 по 1764 г. // Русская старина. 1870. Т. 1. № 1. С. 54–55.

³⁸ Там же. С. 57–58.

³⁹ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 177.

⁴⁰ Там же. Д. 40Б. Л. 466; Ф. 467. Оп. 1. Д. 23А. Л. 8.

⁴¹ Донесения французского консула в Петербурге Лави... С. 91.

Мастера слободы не прочь были и обнажить шпагу – главный инструмент защиты дворянской чести. При этом они не являлись дворянами – ни Соваж, ни Вавок, ни другие ремесленники, которые, по словам Пино, «рубятца шпагами»⁴². Поединки не были характерны для России, где для защиты чести предпочитали обращаться в суды [Коллманн 2001, с. 173].

Таким образом, французские ремесленники и художники претендовали на высокий социальный статус и считали себя мэтрами в своем искусстве. Их высокая самооценка, естественно, порождала конфликты. В соответствии с концепцией социальных полей Пьера Бурдье, социальные отношения постоянно оспариваются и переопределяются, и публичное оскорбление зачастую становится средством поддержания, пересмотра или восстановления статуса. Бытовой конфликт выступает уникальным полем для соперничества, ареной, где ведется борьба за признание и уважение [Bourdieu, Wacquant 1992, pp. 17–20]. Австралийский историк Давид Гарриош, специализирующийся на истории Парижа в XVIII в., пришел к выводу, что для парижан оскорблении на публике были средством манипулирования общественным мнением, служили удовлетворению амбиций и возвышению в глазах общественности, поддерживая при этом доминирующую систему ценностей [Коллманн 2001, с. 144]. Неслучайно французы Петербурга в ходе соперничества друг с другом не только бралились, но и прибегали к иронии, которая в качестве инструмента социальной конкуренции была почти неизвестна в России. Пино сетовал на то, что излюбленным стилем общения Леблона является насмешка [Калязина 1984, с. 99]. Из окружения Леблона вышел стихотворный памфlet «Граф Посмешный», где высмеивался Растрелли – «пророк от строения в великой России», «трус и искатель милостей», «не радеющий о своей жене»⁴³. Чеканщик Сен-Манж подозревался в сочинении оскорбительных и клеветнических стихов на чету Каравак⁴⁴. На Руси же не прибегали к памфлетам, если кого-то хотели оскорбить [Коллманн 2001, с. 89]. Французы прививали россиянам вкус к тонкой насмешке, которой сами владели мастерски.

Бытовые конфликты среди французов были неизбежными, поскольку разногласия всегда возникают у людей одного круга и положения, особенно у соседей и знакомых, живущих бок о бок и работающих вместе [Коллманн 2001, с. 160, 170–172]. Мастера

⁴² РГАДА. Ф. 150. Оп. 1: 1716 г. Д. 3. Л. 96 об.

⁴³ Там же. Л. 24.

⁴⁴ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 551.

компактно жили и трудились в слободе, а скученность ремесленников, как было замечено на материалах Парижа, «не только способствовала укреплению солидарности <...>, но и порождала конфликты» [Назарьева 2018, с. 753]. Однако помимо базовых детерминант социального поведения, агрессии во французской колонии способствовали специфические местные факторы. И это не только уже известные бюрократизация и регламентация творчества [Калязина 1984, с. 99], а также «непривычные условия жизни в неустроенном пустынном городе, перегруженность работой» [Мюллер 1927, с. 35] (работой, надо заметить, часто не по профилю). Это – противоречия между амбициями французов, их социальными ожиданиями, с одной стороны, и социальной реальностью Петербурга, как ее французы себе представляли, – с другой.

Исходя из теории «социального конструирования» П.Л. Бергерра и Т. Лукмана, человек так связан с окружающей действительностью, что одновременно и существует в ней, и творит ее. Определяя для себя сущность явлений и свое место среди них, люди конструируют социальный мир, которому «требуется легитимация, то есть способы его “объяснения” и “оправдания”» [Ипполитов, Репинецкий 2012, с. 155]. Французы мыслили себя в качестве больших художников, которым выпало на долю просветить Россию, они рассчитывали на почет и большие заработки, к тому же обладали европейскими понятиями о чести и личном достоинстве. Особенно Леблон был увлечен размахом предстоящих работ и неограниченными возможностями творчества, рассчитывал на ключевую роль в жизни столицы и огромный по тем временам пятитысячный годовой оклад [Калязина 1984, с. 96]. Естественно предположить, что Леблон транслировал подобные настроения в своей команде, и его подчиненные тоже надеялись на выгодные заказы и почет. Однако на деле почти все оказалось другим.

Французские специалисты сразу же столкнулись с задержками в выплате жалованья. Получение положенных по контракту денег было обставлено так, как будто мастера просили милостыню у царя. Не раз выплаты им урезали «за умалением денежных казны», а также делали вычеты, о которых не было ни слова в контрактах (например, «на содержание госпиталя по две деньги с рубля»⁴⁵). Вместе с работой французы получили официальный статус «нижайших рабов» русского царя и, сталкиваясь с сословными предрассудками, оказались в приниженнем положении. Хвастливый, гордый и самолюбивый Каравак (недаром Я. Штелин писал, что этот живописец – «гасконец, как по рождению, так по привычкам

⁴⁵ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 113 об.; Д. 34Б. Л. 601 об.

и манерам»⁴⁶ – подавал челобитные с просьбой «додать» ему положенные деньги с характерной формулой: «работаю я, нижайший, у письма персон вашего императорского величества...»⁴⁷. То же самое делали и остальные: Сен-Манж («...Я, нижайший, определен к работам...»; «...дабы повелено было мне, нижайшему рабу, такие заслуженные мои деньги выдать»⁴⁸); скульптор и строитель Антуан Кёрдасье («Принят я, нижайший, в службу...»⁴⁹); дерзкий Соваж («...работаю я, нижайший, в Петергофе»⁵⁰); Суалем («Вашего императорского величества нижайший раб»⁵¹). И если для русских термин «раб», ассоциировавшийся с формулой «раб Божий», был лишен уничижительного значения, то иноземцы подчас понимали его буквально и не желали относить к себе [Ермакова 2024, с. 812].

Частные заказы, поступавшие со стороны русских вельмож, тоже не всегда и не в полной мере оплачивались. Скульптор Симон, вернувшись в Париж, обвинял Ф.М. Апраксина, чей дом он украшал резными композициями, в нежелании платить. В письмах в Россию с требованием возместить убытки Симон недвусмысленно выражал неприязнь к русской знати и вообще к обычаям не платить, а унижать человека побоями⁵². Б. Растрелли просил государство рассчитаться с ним за работы, произведенные в доме П.П. Шафирова, так как «тех денег оной Шафиров ему не заплатил»⁵³. При этом мастерам приходилось заискивать перед вельможами. В чем-то их жизнь напоминала историю с художником по тканям Бурновилем, который работал в Москве на шелковой мануфактуре в 1718–1719 гг. и творил много «непотребств» из-за того, что к нему, выдающемуся мастеру, «снисходительно относились как к ремесленнику»⁵⁴.

Между тем логика обыденного существования, формировавшая у французов чувство социального дискомфорта, не была единственной возможной и «правильной». «Приниженное» положение мастеров исследователь вправе рассматривать лишь как один

⁴⁶ Записки Якоба Штелина об изящных искусствах в России. М., 1990. Т. 1. С. 45.

⁴⁷ РГИА. Ф. 467. Оп. 2. Д. 32А. Л. 133.

⁴⁸ Там же. Л. 137 об.

⁴⁹ Там же. Л. 161.

⁵⁰ Там же. Д. 34Б. Л. 599.

⁵¹ Там же. Д. 32Б. Л. 604 об.

⁵² Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 566.

⁵³ Там же. Д. 48Б. Л. 407.

⁵⁴ Иностранные специалисты в России в эпоху Петра Великого... С. 127.

из модусов проявления повседневности [Юрганов 2023, с. 14], как результат интерпретации социальной реальности самими французами. На самом деле в России их ценили очень высоко, но «по-своему». Оклады всех упомянутых мастеров (то, что они получали, несмотря на задержки и урезания) кратно превышали заработные платы русских коллег. Им давалась почетная роль руководителей в «художествах и рукомеслах», а также учителей русских подмастерьев. Французы соприкасались с верхушкой петербургского общества, обедали за столом с вельможами и аристократами. В России при Петре I сильно увеличилась дистанция между престолом и подданными, но, вопреки этой тенденции, французские ремесленники намеренно были поставлены рядом с троном. Речь идет не только о том, что они строили и украшали царские дворцы, но и о том, что царь не раз приезжал к ним «во Французскую линию», интересовался их жизнью и работами⁵⁵. Однако дебошам и дракам была необходима легитимация: неудовлетворенность положением оправдывала агрессию, требовала реабилитировать себя в собственных глазах и мнении общества.

В целом, исследование бытовых конфликтов Французской слободы разрушает миф о том, что западноевропейцы в сравнении с русскими обладали «более мягким нравом и изысканными формами общения» [Мюллер 1927, с. 33]. Повседневными ссорами, драками и оскорблениями иноземцы компенсировали уязвленное самолюбие, особенно страдавшее в специфических российских условиях, и одновременно защищали свое личное достоинство. Последнее представляется весьма важным, поскольку французы, не будучи изолированными от русских жителей, расширяли у них пространство личной чувствительности, способствовали «европеизации» их представлений о чести и бесчестье. Роль иноземцев в этом процессе требует обстоятельного изучения, но нет сомнений в том, что жизнь Французской слободы была одним из первых опытов трансфера западных представлений о человеческом достоинстве в России.

Литература

Андреев, Андреева 2017 – *Андреев А.Н., Андреева Ю.С.* Французская слобода Васильевского острова в Санкт-Петербурге в XVIII в. // Вопросы истории. 2017. № 7. С. 111–126.

⁵⁵ О присутствии мастеровых «при столе» вельмож, посещении Петром I и Меншиковым слободы см.: Повседневные записки делам князя А.Д. Меншикова. С. 97–187.

- Андреева 2018а – *Андреева Е.А.* Второе европейское путешествие Петра I и приезд французских мастеров в Петербург // *Quaestio Rossica*. 2018. Т. 6. № 1. С. 114–129.
- Андреева 2018б – *Андреева Е.А.* Французский «десант» Ж.-Б.А. Леблона // Россия и Франция: Культурный диалог в панораме веков / сост. Д.Ю. Гузевич, А.В. Кобак, М.В. Петрова. СПб.: Европейский дом, 2018. С. 231–239.
- Андреева 2020а – *Андреева Ю.С.* Искусство мастеров Французской слободы Санкт-Петербурга в разнообразии его видов: к вопросу о параметрах творческой деятельности французской художественно-ремесленной колонии при Петре I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 2. С. 6–16.
- Андреева 2020б – *Андреева Ю.С.* Педагогический труд художников и декораторов Французской слободы Санкт-Петербурга при Петре I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2020. Т. 20. № 3. С. 6–17.
- Анисимов 2010 – *Анисимов Е.В.* Петербург времен Петра Великого. М.: Центрполиграф, 2010. 430 с.
- Ермакова 2024 – *Ермакова О.К.* Маркеры правового статуса иностранцев в России первой четверти XVIII века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12. № 3. С. 807–817.
- Ипполитов, Репинецкий 2012 – *Ипполитов Г.М., Репинецкий А.И.* История повседневности: некоторые аспекты генезиса и эволюции отрасли исторической науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2012. Т. 14. № 3. С. 154–161.
- Калязина 1984 – *Калязина Н.В.* Архитектор Леблон в России (1716–1719) // От Средневековья к Новому времени: Материалы и исследования по русскому искусству XVIII – первой половины XIX в. / под ред. Т.В. Алексеевой. М.: Наука, 1984. С. 94–123.
- Коллманн 2001 – *Коллманн Н.Ш.* Соединенные честью: Государство и общество в России раннего Нового времени. М.: Древлехранилище, 2001. 461 с.
- Кошелева 2004 – *Кошелева О.Е.* Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М.: ОГИ, 2004. 486, [2] с.
- Мюллер 1927 – *Мюллер А.П.* Быт иностранных художников в России. Л.: Academia, 1927. 157, [4] с.
- Назарьева 2018 – *Назарьева Н.С.* Участники бытовых конфликтов в Латинском квартале Парижа по материалам нотариальных актов: жертвы и агрессоры // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2018. Т. 160. Кн. 3. С. 749–760.
- Орленко 2018 – *Орленко С.П.* К истории повседневной жизни Бронной слободы второй половины XVII в., или о том, как Дракула со своей женой подрался // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 33–38.
- Семенова 1998 – *Семенова Л.Н.* Быт и население Санкт-Петербурга (XVIII век). М.; СПб.: Весь мир; БЛИЦ, 1998. 227, [29] с.

- Черная 1991 – Черная Л.А. «Честь»: Представления о чести и бесчестии в русской литературе XI–XVII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М.: Наука, 1991. С. 56–84.
- Юрганов 2023 – Юрганов А.Л. Логика допущения в модусах повседневности // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкоизнание. Культурология». 2023. № 9. С. 12–16.
- Bourdieu, Wacquant 1992 – Bourdieu P., Wacquant L. An invitation to reflexive sociology. Chicago: The University Chicago Press, 1992. XIV, 332 p.
- Copley 2019 – Copley D.E. Insult and society in the 12th century: Ph.D. Thesis. Chester: University of Chester, 2019. 278 p.

References

- Andreev, A.N. and Andreeva, Yu.S. (2017), “French Quarter of Vasilyevsky island in Saint Petersburg in the 18th century”, *Voprosy istorii*, no. 7, pp. 111–126.
- Andreeva, E.A. (2018), “Peter I's second European journey and the arrival of French masters to St. Petersburg”, *Quaestio Rossica*, vol. 6, no. 1, pp. 114–129.
- Andreeva, E.A. (2018), “French ‘landing party’ of J.-B.A. Leblond”, in Guzevich, D.Yu., Kobak, A.V. and Petrova, M.V., comp., *Rossiya i Frantsiya: Kul'turnyi dialog v panorama vekov* [Russia and France. Cultural dialogue in the panorama of centuries], Evropeiskii dom, Saint Petersburg, Russia, pp. 231–239.
- Andreeva, Yu.S. (2020), “Forms diversity of the French Quarter masters' art in Petersburg. On the question about parameters of the creative activity of the French art colony under Peter the First”, *Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and the Humanities” Series*, vol. 20, no. 2, pp. 6–16.
- Andreeva, Yu.S. (2020), “Training work of the Saint Petersburg French Quarter's artists under Peter I”, *Bulletin of the South Ural State University. “Social Sciences and the Humanities” Series*, vol. 20, no. 3, pp. 6–17.
- Anisimov, E.V. (2010), *Peterburg vremen Petra Velikogo* [Peter the Great's Petersburg], Tsentrpoligraf, Moscow, Russia.
- Bourdieu, P. and Wacquant, L. (1992), *An invitation to reflexive sociology*, The University Chicago Press, Chicago, USA.
- Chernaya, L.A. (1991), “Chest’. Ideas about honor and dishonor in Russian literature of the 11th – 17th centuries”, in *Drevnerusskaya literatura: Izobrazhenie obshchestva* [Ancient Russian literature. The image of society], Nauka, Moscow, Russia, pp. 56–84.
- Copley, D.E. (2019), *Insult and society in the 12th century*, Ph.D. Thesis, University of Chester, Chester, UK.
- Ermakova, O.K. (2024), “Markers of the legal status of foreigners in Russia in the first quarter of the 18th century”, *Quaestio Rossica*, vol. 12, no. 3, pp. 807–817.
- Ippolitov, G.M. and Repinetetskii, A.I. (2012), “Daily life studies as a branch of history. Some aspects of its genesis and evolution”, *Izvestiya of the Samara Science centre of the Russian Academy of Sciences*, vol. 14, no. 3, pp. 154–161.

- Kalyazina, N.V. (1984), “Architect Le Blond in Russia (1716–1719)”, in Alekseeva, T.V., ed., *Ot Srednevekov'ya k Novomu vremen'i: Materialy i issledovaniya po russkomu uskusu XVIII – pervoi poloviny XIX veka* [From the Middle Ages to Modern Times. Materials and research on Russian art of 18th and the first half of the 19th century], Nauka, Moscow, USSR, pp. 94–123.
- Kollmann, N.S. (2001), *Soedinennye chest'yu. Gosudarstvo i obshchestvo v Rossii rannego Novogo vremeni* [By honor bound. State and society in Early Modern Russia], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia.
- Kosheleva, O.E. (2004), *Lyudi Sankt-Peterburgskogo ostrova Petrovskogo vremeni* [People of Saint Petersburg island of Petrine Era], OGI, Moscow, Russia.
- Myuller, A.P. (1927), *Byt inostrannykh khudozhnikov v Rossii* [Everyday life of foreign artists in Russia], Academia, Leningrad, USSR.
- Nazarieva, N.S. (2018), “Parties involved in domestic conflicts in the Latin Quarter of Paris according to Notarial acts. Victims and aggressors”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya “Gumanitarnye nauki”*, vol. 160, book 3, pp. 749–760.
- Orlenko, S.P. (2018), “On the history of daily life of Bronnaya Sloboda in the second half of the 17th century, or how Dracula had a fight with his wife”, *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, no. 3, pp. 33–38.
- Semenova, L.N. (1998), *Byt i naselenie Sankt-Peterburga (XVIII vek)* [Life and population of Saint Petersburg (18th century)], Ves' mir, BLITs, Moscow, Russia.
- Yurganov, A.L. (2023), “The logic of presumption in the modus operandi of everyday life”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 12–16.

Информация об авторе

Александр Н. Андреев, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; alxand@yandex.ru

Information about the author

Aleksandr N. Andreev, Dr. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047, Russia; alxand@yandex.ru